

МИХАИЛ ОСЛОН [MIHAIL OSLON]

ЕЩЁ ОДИН ДОВОД В ПОЛЬЗУ ВОСХОДЯЩЕГО КОНТУРА ПРАСЛАВЯНСКОГО СТАРОГО АКУТА

COBISS: 1.01

[HTTPS://DOI.ORG/10.3986/JZ.27.1.12](https://doi.org/10.3986/JZ.27.1.12)

Še en argument v prid rastoče intonacije praslovanskega starega akuta

Prispevek analizira, kako lahko prozodično označevanje naglasov Juraja Križanića prispeva k razumevanju refleksa praslovanskega starega akuta v njegovem kajkavsko-čakavskem narečju 17. stoletja. Narečje Juraja Križanića namreč izstopa po tem, da v enozložnih besedah pred pavzo ohranja razlikovanje med dvema izrazitima tonoma: stariim akutom in kratkim neoakutom. Na podlagi kompleksnih premen dveh kratkih naglasov in posebnega obnašanja rastočega naglasa pri vprašalnicah ter s primerjavo s slovenščino sklepamo, da se je stari akut v Križanićevem narečju odražal kot kratki rastoči ton. Zelo verjetno je, da je bil stari akut tudi pred krajšanjem rastoč.

Ključne besede: praslovanščina, slovenščina, srbohrvaščina, hrvaščina, Križanić, akcentologija, akut

Another Piece of Evidence in Favor of the Rising Contour of the Proto-Slavic Old Acute

This article discusses what can be inferred based on Juraj Križanić's use of prosodic marks about the phonetic nature of the reflex of the Proto-Slavic old acute in his seventeenth-century Kajkavian-Čakavian dialect, which is unique in that it preserves the old acute and short neoacute as two distinct tonemes in monosyllables in pre-pausal position. Based on the complex alternation of his two short accents, as well as on the peculiar behavior of question words with a rising intonation, which are exempt from this alternation and have a close parallel in Slovenian, it is concluded that old acute was reflected as a short rising tone in Križanić's dialect, which makes it plausible that the pre-shortening old acute was indeed a rising tone.

Keywords: Proto-Slavic, Slovenian, Serbo-Croatian, Croatian, Križanić, accentology, acute

Старый акут традиционно реконструируется как долгая восходящая интонация ввиду его полногласных рефлексов (**kōrva* > рус. *ко́рова*), а также словенского рефлекса в неоднослогах, ср. слвн. *kráva*. Однако словенский здесь, скорее всего, непоказателен, т. к. это долговосходящее ударение тождественно результату сплошного удлинения в последнем слоге, в т. ч. и совпавшего со старым акутом краткого нового акута, ср. **nòsišb* > слвн. *nósiš*, хотя в однослогах и старый акут, и краткий новый акут дали в словенском кратконисходящую интонацию, ср. **brāt(r)b* > слвн. *brät* (род. *bráta*), **bòbb* > слвн. *bòb*

Благодарю Марка Гринберга, Мате Каповича, Давида Мандича и Витаутаса Ринквичюса за обсуждение и поправки.

(род. **bobä* > *bóba*). Это удлинение, по-видимому, прошло относительно недавно и в части диалектов не охватило третьего с конца слога, ср. в северных словенских диалектах *bába*, но *bàbica* – с кратковосходящим (Rigler 1976: 88, 91; Karović 2015: 84, 224). Итак, в словенском только ударение типа *bàbica* может служить доводом в пользу восходящести старого акута, причём здесь он сокращён (и не продлён).

Этому, на первый взгляд, противоречит штокавский кратконисходящий рефлекс старого акута (*kràva*, *brät*, *bàbica*), ср. следующее рассуждение: «Обычно приводимые аргументы в пользу его восходящего характера при ближайшем рассмотрении оказываются крайне ненадёжными. Скорее всего, это была восходяще-нисходящая интонация с краткой, но резкой восходящей частью и с более длительным нисходящим склоном. На это как будто указывает её сербохорватский рефлекс (нисходящая краткость: *˘*), единственный претендующий на непосредственное отражение праславянского акута. Словенское восходящее долгое ударение (ˊ) является, скорее всего, результатом удлинения рефлекса, подобного сербохорватскому (в процессе удлинения неконечных ударных слогов), в период, когда он утратил уже свой отчетливо нисходящий характер» (Дыбо – Замятина – Николаев 1990: 11). Вторая часть этого рассуждения (о словенском), кажется, разбивается о примеры типа слвн. диал. *bàbica*, а первая (о сербохорватском) лишена доказательной силы по системным соображениям: нельзя руководствоваться контуром ударения, которому в системе ничто не противопоставлено. Ведь штокавское (в т. ч. староштокавское) кратконисходящее ударение – результат слияния по крайней мере трёх разных праславянских ударений: старого акута (**kōrva* > шток. *kràva*, **brāt(r)ь* > шток. *brät*), краткого нового акута (**nōsīь* > шток. *nōsīš*, **kōža* > шток. *kōža*, **bōbь* > шток. *bōb*), краткого рецессивного ударения (вин. **vōdǫ* > шток. *vōdu*),¹ а также сокращённого в древности конечного ударения (**vodà* > старошток. *vodä*); значит, полученное синкретическое – единственное краткое, вне противопоставления² – ударение лишено значимого фонологического контура. Можно сказать, что в штокавском все краткие тоны слились в едином динамическом ударении, чья фонетическая реализация («по умолчанию») ни о чём не говорит и никоим образом не может претендовать «на непосредственное отражение праславянского акута».

Однако известен один живой штокавский идиом, где все три старых ударения не слились: в говоре боснийского г. Кладань краткое рецессивное ударение отражено кратконисходящим: *vōdu*, а остальные два – особым кратковосходящим (отличным от оттянутого новоштокавского) – ста-

1 Сюда же отнесём сокращение долгого рецессивного ударения в многосложных словах: **prāseta* > шток. *prāseta*.

2 Новоштокавское кратковосходящее ударение типа *vōda* < старошток. *vodä* – не в счёт, т.к. оно возникло поздно и стало противопоставляться единственному имеющемуся в системе краткому ударению сначала чисто фонетически.

рый акут *bāba*, краткий новый акут: *kōža* (открытие С. Реметича: Реметић 2004; Каровић 2015: 219). Как и почти во всём (а до недавнего времени считалось, что во всём, см. ниже) сербохорватско-словенском ареале, здесь старый акут слился с кратким новым акутом,³ но не в нисходящем ударе, а в восходящем. Достаточно ли этого для суждения о первоначальном контуре (сокращённого) старого акута в западноюжнославянском (сербохорватско-словенском)? Очевидно, нет, но за неимением лучших доводов, М. Капович делает рабочий вывод, что «[s] obzirom na sln. dijalektalno ` u tipu *bābica* [...] i na kladanjsko ´ [...], ZJslav. pokraćeni odraz *” je zacijelo bio nekakav kratki uzlazni naglasak» (Каровић 2015: 625), согласующийся с традиционным мнением (до открытия кладаньской ситуации ср. Ramovš 1950: 16, 21).

Типологические соображения, при принятии ларингального происхождения акута, как будто говорят о естественном его продолжении в виде долгого восходящего или краткого нисходящего тона (Greenberg 2007), однако, как было сказано, в словенском рефлексе старого акута едва ли можно усматривать исконную долготу, а сербохорватский краткий рефлекс непоказателен.

Внешнее сравнение – с балтийскими языками – не привносит ясности в картину, ср. противоречивые показания лит. *bōba* ‘баба’ (нисходящий) и лтш. *bāba* ‘тж.’ (восходящий), но нас здесь интересует только праславянское состояние. Исходя из того, что во всём западноюжнославянском старый акут сокращён⁴ (а затем кое-где удлинён, ср. слвн. *bāba*), его сокращённый рефлекс, скорее всего, сначала должен был сохранять исходную интонацию.

Но для обнаружения такого рефлекса нужен идиом, где хотя бы в одной позиции старый акут даёт свой собственный рефлекс, не слившийся ни с каким другим. Единственный известный такой идиом – чакавско-кайкавский говор XVII в., отражённый в текстах Юрия Крижанича. Его просодическая система подробно описана в работе Oslon 2012 (а орфография – в Ослон 2012), здесь же дадим сводную таблицу просодических знаков Крижанича с акцентологическим толкованием (в транскрипции применяем знаки ` и ` , не имея в виду никаких фонетических контуров, а лишь ради приведения записи к виду, сопоставимому с принятому в сербохорватской диалектологии; повторяем с изменениями из работы Ослон – Капович 2019):

3 Особую проблему представляют слова некоторых типов (в т. ч. **vōlā*, **osnōva*, местоим. твор. **mъnojo* и др.), в которых на месте краткого нового акута в кайкавском (и частично в словенском) находим не (продлённый) новый акут, а (по определению долгий) новый циркумфлекс (кайк. *vōla*, *osnōva*, *mēnom*, слвн. *z māno*), но неясно, какое отношение это имеет к древнему контуру краткого нового акута (скорее всего, никакого; о замене нового акута новым циркумфлексом см. Каровић 2015: 396–399).

4 Об особом развитии старого акута (в т. ч. без сокращения) в конечном открытом слоге см. Каровић 2015: 526–550 (для настоящей работы это неважно).

Крижанич	акцентологическая интерпретация
ˊ <i>brát</i>	ˊ /brät/ рефлекс старого акута (краткий)
<i>kráva</i>	/kräva/
<i>mõžet</i>	/mõžet/ рефлекс краткого (непродлённого) нового акута в неоднослогах
<i>земльá</i>	/zemlǎ/ конечное краткое ударение не перед паузой (перед паузой
<i>глáвá</i>	/glävǎ/ обычно <i>земльá</i> , <i>глáвá</i>)
ˋ <i>zól</i>	ˋ /zǎl/ особый рефлекс краткого нового акута в однословах перед паузой (иначе <i>zól</i>)
<i>jeziċ</i>	ˊ /jeziċ/ старый акут и конечное краткое ударение в неоднословах перед
<i>земльà</i>	/zemlǎ/ паузой; знак часто опускается после долготы (не перед паузой обычно <i>jeziċ</i> , <i>глáвá</i> ; но только <i>brát</i> , а не <i>**brát</i>)
ˆ <i>grád</i>	ˆ /gräd/ единственное долгое ударение – рефлекс долгих старого
<i>králĭ</i>	/kräl/ циркумфлекса, нового акута, нового циркумфлекса
<i>хервát</i>	/hǎrvät/
<i>kráv</i>	/kräv/
ˉ <i>nāród</i>	ˉ /nāröd/ предударная долгота
<i>zǎbáva</i>	/zävǎva/
<i>дүшĕ</i>	ˆ /düşĕ/ конечная ударная долгота только после ˉ (иначе <i>ногĕ</i>)

Итак, налицо лишь одно значимое долгое ударение (ˆ), а знаком (ˋ), кроме безударной долготы, Крижанич обозначал его фонетическую модификацию в некоторых особых случаях (см. также Oslon 2012: 76–77; Ослон – Капович 2019: 284); после знака (ˋ) перед другими словами (не перед паузой) часто опускается знак конечного ударения (см. ниже).

Что касается двух кратких ударений Крижанича: (ˊ) и (ˋ), то они находятся в сложном отношении чередования. На последних слогах возможно только (ˊ): *kráva*, *кóжа*, *Бóгу* (полная нейтрализация, как в большинстве штокавского); на последнем слоге неоднослогов (ˊ) всегда выступает перед другими словами: ... *jeziċ* *наш себ*... [Г 4] (старый акут); *Живóт* *пришĕст-ного*... [Г 110] (краткий новый акут), а перед паузой (в списках и в конце предложения) заменяется на (ˋ) – старый акут факультативно: ... *мёрзко казĕт jeziċ*.|| [Г 171], но и ... *знáжет чĕст Словĕнскиѣ jeziċ*.|| [Г 111]; новый акут почти всегда: ... *чловĕков живóт*.|| [Г 67] (подробнее см. Oslon 2012: 71–72). Замена перед паузой почти обязательна и на конечном открытом слоге: *Коньá* *и jezdecá обалил jest*... [Г 16] при: *Украдóше коньà*.|| *при нас спĕщих*. [Г 186]. Таким образом, в неоднословах старый акут и краткий новый акут частично нейтрализованы.

Однослоги же ведут себя строже: старый акут всегда отражается в виде (ˊ) даже перед паузой: ... *jest däl jedен хлĕб*.|| [Г 133]; ... *процĕнъахи гóдно бĕт*.|| [Г 3] (Oslon 2012: 72), тогда как краткий новый акут подчиняется тому же правилу, что неоднослоги: ... *Чловĕк хóдобен*, *Зól*, *а не Лукáв*. [Г 173]; но перед паузой: *Зól*.|| *Гóриши*, *и Гóри* [Г 64]. Ярче всего это проявляется в списках: Крижанич приводит только *brát*, *мрáz*, *бĕч*, *рáв*, *птĕц*, *хлĕб*, *цáр* и др. (старый акут), но только *сán* (*сón*), *крóв*, *вól*, *кòнь*, *дóждь*,

сѝм и др., а также прил. *новъ, лѝш*⁵ (краткий новый акут; там же; см. также Каровић 2015: 218).

Таким образом, Крижаничевы знаки ⟨'⟩ и ⟨`⟩ фонологически значимы на однословах, однако мы по-прежнему ничего конкретного не знаем об их фонетической реализации. Исходя из общих соображений, с учётом взаимодействия словесной и фразовой интонаций, внутри речевого потока (по крайней мере, в части условий) можно ожидать (возможного) подъёма тона, а перед паузой – некоторого его затухания. Если так, то знак ⟨'⟩ (которым обозначается и рефлекс старого акута в *брѝт* и т. д.) мог соответствовать у Крижанича кратковосходящему ударению, а ⟨`⟩ – какому-то другому (см. ниже).

При таком толковании преобразование типа *jezúk* → *jezúk* можно понять как проявление «частичной оттяжки» тонального пика или, скажем, «растяжки» тонального контура на два слога.⁶ Это, естественно, невозможно в однословах, так что, например, *брѝт* не может преобразоваться в ***брѝт*. При этом *сѝн, зѝл /zàl/* и т. д. исходно имели особое ударение (не бывшее результатом преобразования), фонетически тождественное тому, что выступало в преобразованном последнем слоге форм типа *jezúk|*.

Любопытно, что сам Крижанич указанного чередования, кажется, не заметил и никак его не комментирует. Между тем, он даёт следующее туманное фонетическое описание контуров своих ударений (приводим только для кратких, называемых им *скѝриь* и *једнѝкиь*):

- ' *Скѝриь подвѝгает на високѝ: али непрѝвлѝчит на дѝлго; кѝкот, Чѝдо, Велико, Прѝвити;*
 ` *Једнѝкиь нити подвѝгает, нити прѝвлѝчит. Зачѝм и нѝ по властѝтости почѝтаетсе бити влаком; него пѝче знѝком небѝтѝја трѝх јстинних влаков: и знѝчит, же она рѝч, над коеју ѝн јест написан, нѝмает нѝједного влака: и же всѝ нѝеє склѝди једнѝкѝм и нѝ рѝзлѝчним прѝвлѝчѝнем јмајут бѝт изречени; кѝкот, Слободѝ, Беретѝ, Ногѝ, Водѝ. [О: 57]*

Из этого объяснения трудно делать выводы о реальных контурах, но бросается в глаза, что для Крижанича ⟨'⟩, кажется, знаменует собой не падение

- 5 Можно было бы подумать, что различие ⟨'⟩ и ⟨`⟩ у Крижанича связано с поведением слова в парадигме: например, что он пишет *кѝнь*, имея в виду конечное ударение в род. *кѝньѝ*. Но прилагательные опровергают это предположение: так, прилагательное прасл. **новъ*, ж. **novà* (а.п. *b*) у Крижанича вторично перешло в а.п. А, т. е. получило колонное накоренное ударение, которое, однако, в форме м.ед. передаётся знаком ⟨'⟩: *новъ, нѝва*, мн. *нѝви* (подробнее см. Каровић 2011: 107, 122; Oslon 2012: 73).
- 6 Видимо, то же самое преобразование проявляется в опущении Крижаничем знака конечного краткого ударения после безударной долготы, ср. *Хервѝтѝ велѝт...*, но (перед паузой, в списке): ... *Болгѝри, Хервѝти, Сѝрби...* (Oslon 2012: 70), причём последнее написание эквивалентно не встречающемуся ***Хервѝтѝ*, т. к. Крижанич обычно ставил ⟨'⟩ на конце слова, только если это был единственный в слове знак (значит, в *Хервѝти* перед паузой ощущалась частичная оттяжка, теперь проведённая последовательно – не перед клитиками – в родных местах Крижанича, см. Oslon 2012: 79).

тона (что он мог бы сказать явно), а равномерное распределение тона (ровного?) по всему слову (ср. *изречени* без знака, явно нарочно). Это хорошо согласуется со сказанным выше о «растяжке» тонального контура. Разумеется, сюда не вписываются однослоги *сán*, *зòл /zàll* и т. д., однако именно в русле объяснения Крижанича в них можно усматривать односложный ровный тон.

Итак, по отражённым у Крижанича косвенным признакам, а также из общих и внутрисистемных соображений можно получить кое-какие умозрительные представления о фонетических контурах его кратких ударений, но скорее относительного характера. Однако имеется и одна деталь, прежде не замеченная (впервые мы указали на неё в недавно вышедшей статье Ослон – Капович 2019: 243 сн. 13), а именно: конечноударные вопросительные местоимения у Крижанича всегда получают знак ('): *Чá* (*Штó*, *Чтó*⁷) 'что', *Кадá* (*Когдá*⁸, *Гдá*⁹) 'когда', *Кадí* (*Гдú*¹⁰) 'где'.

Краткий новый акут на единственном слоге: **сѣ* > *Чá* – приводится лишь раз в таблице [Г 76] (хотя там же *Он*, *Онò*, *онà*), ср. приводимые с (') союзы: *Бò*, *Чè* 'если' (?) [Г 122]. Поскольку *ча* в авторской речи заменено в [Г] русизмом *что*, приведём разные контексты употребления последнего (только перед паузой¹¹) – в невопросительной функции: *Мáло чтò*, *мáло чesò*, *Мáло чему*.|| [Г 191]; *Какóвостна знамену́ют, какóво јест чтò*.|| (т. е. 'что-либо') [Г 69]. В вопросительной функции это местоимение попадает только перед другими словами (... *чтò вели́и?* [Г 9]) или приводится отдельно (в таблице: *Чтò*, *Чá*, *Штó* [Г 76]). В роли союза выступает без знака ударения: ... *чтò се четé* у *Смотрíцкого*... [Г 68].

Сокращённое конечное ударение в праславянских двуслогах **къдѣ*,¹² **къ(g)дá* в вопросительной функции – всегда с (') (приводится только так в таблицах и списках). Соотносящиеся с этими словами морфологически параллельные неодносложные местоименные наречия подчиняются общему правилу для неоднослогов, ср. оба знака в *садá*, *тадá* : *садà*, *тадà* (перед паузой), ср.: ...*въ ко́вих садá пребивáют*... [Г 5], но *Нине, садà*.|| [Г 160]; ... *јно тадá пред послíдњеју*... [Г 30], но *Садà*, *Х[ервãтски]: Здá*,|| *кметски: Тадà*.||

7 Штокавская («сербская») и русская формы соответственно (именно их применяет Крижанич в авторской речи); родную форму *Чá* он приводит лишь раз в таблице, однако эти неродные формы, видимо, вполне надёжно наследуют ударение его родного *чá*. Заметим, что и своё *гдò* Крижанич в авторской речи заменяет русским *кто* – но со своим ударением (!), а в таблице приводит и штокавскую форму *ткò* [Г: 76], тоже со своим, а не штокавским ударением (ср. шток. *ткò*).

8 Русская форма; в текстах, – скорее всего, с ударением родного *кадá*.

9 Скорее всего, родная чакавская форма (в штокавском формы *гдà* нет).

10 Чакавская форма (вариант?).

11 Не перед паузой стабильно *чтò*, как и ожидается. В [О] выступает штокавизм/русизм *штò*, но нужных контекстов там нет.

12 Пишем здесь ять только ввиду шток. эк. *gdjě* (*đě*), эк. *gdě*, ик. *gdī*.

Togdà, || *Pu*:¹³... [Г: 182]. Так же себя ведёт русизм *когда* в разных функциях, ср. пример в невопросительной: *Латинци такóва мiста превóдет разлiчно. Нiгда на прóст Ору́дник, нiгда на ричiцу Когдà*. || '... а иногда на союз *когда*' [Г 185].

Чуть выше был приведён пример с однослогом *Здá* 'сейчас' (шток. *sàda*). Несмотря на предпаузальное положение, Крижанич на нём поставил ('). Хотя до падения еров это и подобные слова (*гдi, гдá, здi*) были двусложными и в последнем слоге содержали некое неопределённое «конечное краткое» ударение на открытом слоге, полученное, если там был старый акут, древним сокращением (вслед за В. А. Дыбо обозначаемое знаком '), у Крижанича такие слова ведут себя как акутированные (т. е. как *брáт* и т.п.), что, возможно, значит, что «конечное краткое» ударение в его говоре совпало со старым акутом, а не с кратким новым акутом.¹⁴

Что же можно вынести из особой акцентуации вопросительных местоимений у Крижанича, нарушающих общие правила отражения краткого нового акута и «конечного краткого» ударения (в неоднословах), т. е. избегающих «растяжки»? Очевидно, что здесь имеет место влияние фразовой интонации специального вопроса (на вопросительном слове). Эта интонация, исходя из показаний нетональных языков (типа русского) – совсем необязательно восходящая (ср. рус. *Когдà?* – где нет явного подъёма), поэтому может возникнуть недоумение касательно такой интонации у Крижанича. Однако ровно такое явление – правда, на долгих слогах – имеем в литературном словенском языке, где вопросительные местоимения, в т. ч. *kdó* (наряду с *kdô*) 'кто', *kdáj* (*kdâj*) 'когда', *káj* (*kâj*) 'что', *kjé* (*kjê*) 'где' – имеют (как вариант) исторически необоснованный долговосходящий тон. Само удлинение там ожидаемо, но интонацию объясняют именно вопросительной функцией (Ramovš 1921: 236–237; Greenberg 2000: 99). Это означает не только, что, типологически, в тональных языках вопросительные местоимения могут получать (или сохранять) восходящесть, но и что в обсуждаемом ареале – именно так.¹⁵

До совпадения в едином долгом ударении в предке говора Крижанича долгого нового акута и долгого рецессивного ударения, т. е. «циркумфлекса» (а также нового циркумфлекса), возможно, было не **gdô*, а нечто, напрямую соответствующее слвн. *kdô*. Однако у Крижанича уже, увы, нет кон-

13 Это значит, что форму *Здá* Крижанич помечает (*кметски*) как простонародную (кайкавскую? – о социолингвистике Крижанича см. Ослон – Капович 2019: 288–290), а форму *Togdà* – как русскую.

14 Это предмет будущего отдельного изыскания.

15 Ср. также схрв. новошток. разг. *štó?* 'почему?', но здесь такой знак ударения (долговосходящего) можно поставить только в порядке исключения как изображение (фонетической) фразовой интонации, ибо фонологически на единственном слоге такого ударения не может быть. В словенском же это вполне фонологическое различие (ср. слвн. *grâd*, но *krâlj*).

траста в долгих слогах, а в словенском нет контраста в кратких (и там, и там речь идёт о синхронных однословах). Поэтому эффект фразовой интонации специального вопроса на вопросительных словах мы видим в словенском только на долгих, а у Крижанича – только на кратких, хотя и то, и то, возможно, – одно явление.

Если так, то особое не чередующееся ударение Криж. *Čá, Kadá, Kadí* – именно восходящее. А коль скоро тот же знак (´) выступает на месте старого акута в примерах типа *brát*, делаем уже не рабочий, а более-менее твёрдый вывод, что старый акут у Крижанича отражается в виде кратковосходящего ударения. Значит, вполне может быть верен традиционный взгляд (Я. Риглер, Ф. Рамовш, теперь – на основании новых данных – и М. Капович), что в празападноюжнославянском сокращённый старый акут был кратковосходящим, а, следовательно, его предок – праславянский старый акут (по крайней мере в южнославянском языке) – был долговосходящим.¹⁶

ИСТОЧНИКИ

- Г = *Граматично изkázanje ob rúskom jezíku podá Júрка Крижáнича*, Издано О. Бодянским, Москва, 1859 (издание кириллицей; с ошибками) ≈ *Gramatično izkazanje ob ruskom jeziku, prigredio i uvodnu raspravu napisao Josip Hamm, Zagreb, 1984* (издание латиницей; более выверенное) – даём номера страниц по изданию Бодянского.
- О = Juraj Križanić, *Objasňenje vivodno, prigredio i uvodnu raspravu napisao J. Hamm, Zagreb, 1983* = *Тверская рукопись Юрия Крижанича*, сост. И. Г. Воробьёва, В. М. Воробьёв, Тверь, 2008 (фототипические издания).

ЛИТЕРАТУРА

- Дыбо – Замятина – Николаев 1990** = В. А. Дыбо – Г. И. Замятина – С. Л. Николаев, *Основы славянской акцентологии*, Москва: Наука, 1990.
[V. A. Dybo – G. I. Zamjatina – S. L. Nikolaev, *Osnovy slavjanskoj akcentologii*, Moskva: Nauka, 1990.]
- Ослон 2012** = М. В. Ослон, Орфография и фонетика Юрия Крижанича, в: *Slověne* № 1 (2012), 244–263.
[M. V. Oslon, Orfografija i fonetika Jurija Križaniča, v: *Slověne* no. 1 (2012), 244–263.]
- Ослон 2016** = М. В. Ослон, Слоговые интонации посавских говоров: можно ли заставить ЭВМ расставлять диакритики?, в: *Балто-славянская акцентология: материалы VII международного семинара = referati VII međunarodnog skupa = Proceedings of the 7th International Workshop*, ред. М. В. Ослон, Москва: ЯСК, 2016, 109–125.
[M. V. Oslon, Slogovoye intonacii posavskih govorov: možno li zastavit' ÈVM rasstavljat' diakritiki?, v: *Balto-slavjanskaja akcentologija: materialy VII međunarodnog seminara* =

16 Что касается интонации краткого нового акута, то нет нужды восстанавливать её как восходящую (вопреки Каповичу: «Uzlaznost bi kladanjskoga ´ < *´ u riječima kao *snóp* onda ukazivala i na izvornu fonetsku uzlaznost psl. kratkog neoakuta», Каповић 2015: 72, fn. 191) ввиду сказанного выше о, возможно, ровном тоне краткого нового акута у Крижанича. Именно ровный тон краткого нового акута объяснил бы его слияние на последнем слоге как со старым акутом (в т. ч. в Кладане), так и с кратким рецессивным (везде). Более того, долгий новый акут в современных живых говорах представляет собой или долгий ровный тон, или «шапку» (для староштокавского посавского см. Ослон 2016: 115), так что и краткий новый акут, вполне возможно, был ровным.

referati VII mednarodnog skupa = *Proceedings of the 7th International Workshop*, red. M. V. Oslon, Moskva: JaSK, 2016, 109–125.]

Oslon – Kapovich 2019 = M. V. Oslon – M. Kapovich, Удлинение гласных в говоре Юрия Крижанича в сопоставлении с чакавскими и кайкавскими данными, в: *Славянское и балканское языкознание: русистика; славистика; компаративистика: сборник к 64-летию С. Л. Николаева*, Москва: Институт славяноведения РАН, 2019, 239–295.

[M. V. Oslon – M. Kapovič, Udlinenie glasnyh v govore Jurija Križaniča v sopostavljenii s čakavskimi i kajkavskimi dannymi, v: *Slavjanskoje i balkanskoje jazykoznanie: rusistika; slavistika; komparativistika: sbornik k 64-letiju S. L. Nikolaeva*, Moskva: Institut slavljanovedenija RAN, 2019, 239–295.]

Реметић 2004 = С. Реметић, О шесточланом прозодијском систему у говору Кладња и околине, в: *Живот и дело академика Павла Ивића*, Суботица – Нови Сад – Београд: Српска академија наука и уметности, 2004, 651–659.

[S. Remetić, O šestočlanom prozodijskom sistemu u govoru Kladnja i okoline, v: *Život i delo akademika Pavla Ivica*, Subotica – Novi Sad – Beograd: Srpska akademija nauka i umetnosti, 2004, 651–659.]

Greenberg 2000 = Marc L. Greenberg, *A historical phonology of the Slovene language*, Heidelberg: Winter, 2000.

Greenberg 2007 = Marc L. Greenberg, Phonetic evidence for the development of the “Acute” Tone in Slavic, в: *Tones and Theories: Proceedings of the International Workshop on Balto-Slavic Accentology*, Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovje, 2007, 75–87.

Каповић 2011 = Mate Kapović, Historical Development of Adjective Accentuation in Croatian (suffixless, *-ьль and *-ькъ adjectives), в: V. Rinkevičius (ed.), *Baltistica VII priedas 2011: proceedings of the 6th International Workshop on Balto-Slavic Accentology = Akten der 6. internationalen Arbeitstagung zur balto-slavischen Akzentologie = Доклады VI Международного семинара по балто-славянской акцентологии = VI Tarptautinio baltų ir slavų kalbų akcentologijos seminaro straipsnių rinkinys*, Vilnius, 2011, 103–128, 339–448.

Каповић 2015 = Mate Kapović, *Povijest hrvatske akcentuacije: fonetika*, Zagreb: Matica hrvatska, 2015.

Oslon 2012 = Michail Oslon, Über den Silbenakzent in Juraj Križanićs Dialekt, в: *Slověne* № 2 (2012), 66–80.

Ramovš 1921 = Fran Ramovš, O slovenskem novoakutiranem $\delta > \acute{o}, \acute{o}, \acute{\delta}$, в: *Јужнословенски филолог* 2.3–4 (1921), 227–239.

Ramovš 1950 = Fran Ramovš, Relativna kronologija slovenskih akcentskih pojavov, в: *Slavistična revija* 3 (1950), 16–23.

Rigler 1977 = Jakob Rigler, K problematiki daljšanja starega akuta, в: *Slavistična revija* 25 (1977), 83–99.

POVZETEK

Še en argument v prid rastoče intonacije praslavanskega starega akuta

Tradicionalno se stari akut rekonstruira kot dolga rastoča intonacija, kar se povezuje z refleksoma vzhodnoslovansko *корѡва*, slvn. *kráva*. Vendar v sodobni slovenščini za razvoj starega akuta ni dovolj dobrih zgledov: o rastoči intonaciji refleksov starega akuta lahko sodimo zgolj na podlagi narečnega tipa *bábica*. Ta refleks je na prvi pogled drugačen od kratkega padajočega starega akuta v štokavskem *bāba*, vendar se v štokavščini opozicija med naglasi ne ohranja v kratkih zlogih. Razlikovanje med starim akutom in kratkim novim akutom je značilno za dva govora na srbohrvaškem področju: v današnjem govoru mesteca Kladenj in v starem kajkavsko-čakavskem narečju Juraja Križaniča. V Križaničevem govoru je za stari akut značilen poseben refleks, ki se v enozložnih besedah v položajih pred pavzo razlikuje od kratkega novega akuta. Zanimivo je, da premen ni pri vprašalnih zaimkih. Prispevek dokazuje, da se je pri Križaniču stari akut odražal kot kratki rastoči naglas, kar podpira tezo o rastočem tipu praslavanskega starega akuta.